

Источники и литература

1. Гончаров А. В., Кунгуров А. Л. Археологические исследования в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, Ч. I. С. 327–330.
2. Кунгуров А. Л., Иванова Е. П. Исследование памятников древнего горного дела в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X, Ч. II. С. 261–264.
3. Кунгуров А. Л. Археологические памятники долины р. Харьковки // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2005. Вып. XIV. С. 99–103.
4. Кунгуров А. Л. Древние горные выработки в окрестностях с.Карамышево // Западная и Южная Сибирь в древности: сб. ст. / Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 2005. С. 84–89.
5. Кунгуров А. Л., Иванова Е. П. Интерпретация сведений о древнем горном деле на территории Рудного Алтая исследователями XVIII – начала XX веков // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. Вып. II. С.128–133.

DOI 10.37386/2687-0584-2022-17-124-131

УДК 902

И. Л. Кызласов

Основы изучения наскальных рунических надписей Алтая

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В тюркской рунологии все еще не придается значения условиям нанесения изучаемых надписей. Причина произвольных прочтений – в непонимании смысла создания граффито. Без должного внимания остается их создание не в келейно-кабинетной, а в природной среде. К скале не мог подойти кто угодно, чтобы написать что угодно. Эти надписи оставались на месте в знак совершения молитвы. Малая высота расположения надписей указывает, что на горных обнажениях Алтая писали коленопреклоненные люди. Об этом свидетельствуют и позы современных копировальчиков на полевых фотоснимках. **Ключевые слова:** *Алтай, наскальные изображения, рунические надписи.*

*Профессору Михаилу Александровичу Демину
в знак высокого уважения*

Наскальные рунические строки находит и фиксирует не медиевист-тюрколог, а интересующийся древними петроглифами археолог, художник или краевед. Даже у высоких специалистов, посвятивших свою жизнь изучению и искусному документированию древних изображений, редко получаются точные воспроизведения рунических строк, вырезанных тонкими бороздками. Причина понятна: работая с надписями на открытых скальных поверхностях, веками подверженных природному и человеческому воздействию, надо хорошо знать на-

бор и облик письменных знаков. Это редко осознается археологами, вполне способными отличить на камне рукотворное от естественного и оправданно доверяющими своему многолетнему опыту работы с петроглифами, но не знающими рунической азбуки.

Лингвисты-тюркологи обычно также неспособны на месте правильно воспринять написанное. Знания рун и тюркских языков здесь недостаточно. Филологи, профессионально сформировавшиеся на книжных пособиях, не имеют опыта изучения подлинников. Даже в музейных условиях, у высеченной на щелеватом камне енисейской эпитафии довелось от опытного лингвиста услышать недоуменное: «Как же здесь можно что-нибудь разглядеть?».

Тюркская рунология – это не филология. Это особая отрасль науки, более всего принадлежащая к эпиграфике, в меньшей степени – к археографии. Она невозможна без полевой практики.

В двух минувших веках субъективность восприятия надписей превозмогалась контактными методами их документирования. Однако и они требуют специальной подготовки. До определенной степени делу помогает ныне цифровая фотофиксация, применение которой имеет свои недостатки.

Заложенная В. В. Радловым отечественная традиция изучения лингвистами подлинников рунических надписей на месте их обнаружения или в музеях требует дальнейшего развития. Нашей науке нужна специальная подготовка рунологов-эпиграфистов, способных соединить в себе археологический и тюркологический опыт. Филологи получают для исследования лишь результат работы эпиграфиста, и поэтому руническая эпиграфика – вспомогательная дисциплина. Но только она в состоянии предоставить языковедам твердую почву для исследований.

Авторы двух отечественных сводов рунических надписей Горного Алтая [1; 2], как и создатели специального сайта www.altay.uni-frankfurt.de, публикуют надписи в кратком описании, графической прорисовке и хороших фотоснимках, сопровождают прочтением и переводом. Однако это не устраняет необходимости введения в науку полевых наблюдений.

Все еще не придается значения условиям нанесения изучаемых надписей. Этим игнорируется сам факт их создания не в келейно-кабинетной, а в природной среде. Изучение граффити сводится к двум сторонам – к филологическому и, в меньшей степени, к палеографическому разбору. При таком подходе эпиграфический памятник воспринимается исключительно как текст, теряя существенные качества, явленные в самом акте применения письменности и вынесения его в

природу. По сути, наскальные надписи исключаются из живой ткани письменной культуры создававшего их общества, отторгаются от тех форм духовности, которые определяли и причину, и смысл нанесения камнеписного текста.

Среди многих задач палеографического изучения надписей не вполне осознаются две их особенности. Во-первых, сам процесс документирования памятника принадлежит к палеографии и требует полноценной фиксации его внешнего вида: объекта, наделенного надписью; строки и ее положения; облика каждого знака; примененного на письме инструмента, порядка начертания каждой руны. Во-вторых, алфавитное членение надписей (поныне непривычное для тюркологии) позволяет сразу же отнести текст к читаемым или не дешифрованным пока системам рунического письма (а они выделены ныне в Южной Сибири и Монголии).

Недопустимо невнимание рунологов к вертикальному положению направленной снизу вверх камнеписной строки, при издании часто без оговорок разворачиваемой ради удобства нашего восприятия. Из-за этого теряется яркая самобытность алтайских надписей – нигде более так не писали на скалах. Где это иногда случалось (в Монголии и Казахстане, совсем редко – в Туве и Хакасии), проявлялось и иное влияние алтайской школы письма. Истоки и природа этой традиции еще не познаны.

Последовательность начертания письменного знака хорошо различима, если он не выбит, а вырезан. Ее выявляет пересечение борозд. Поскольку письмо правостороннее, каждый его знак выводился справа налево. Когда, вопреки направленности строки, знаки выведены слева направо, они выявляют первоначальное знание писавшим левостороннего письма – руническая грамота была выучена человеком вторично. Помимо учебной записи урочища Тойок, в которой значение рун пояснено манихейскими буквами, постигнутыми писавшим ранее [3; 4, с. 106–109, рис. 10], нам говорят об этом лишь надписи на скалах и металле. Ради фиксации столь важной особенности именно для алтайских надписей была разработана простая графическая схема порядка начертания рун и иных знаков [5, с. 86, 88, 112, рис. 2, 7, 9].

Жаль, что у исследователей не возникает вопроса, почему рунические строки нанесены на скалы. На Саяно-Алтайском нагорье яснее, чем в иных местах, проступает особое отношение когда-либо живших здесь людей к окружающей их горной природе. Эти культы существуют начиная с неолита и поныне. Ведь по основам восприятия мира все коренные народы здесь искони принадлежат не к степнякам, а к горцам.

Рис. 1. Копирование надписи в долине Каракола. Фото автора.

На формирование национальной психологии неизменно влияет не только природный, но и исторический ландшафт, в котором на этих землях жили все народы. Из века в век их окружали зримые древности: каменные курганы, стелы, изваяния, горные и долинские крепости.

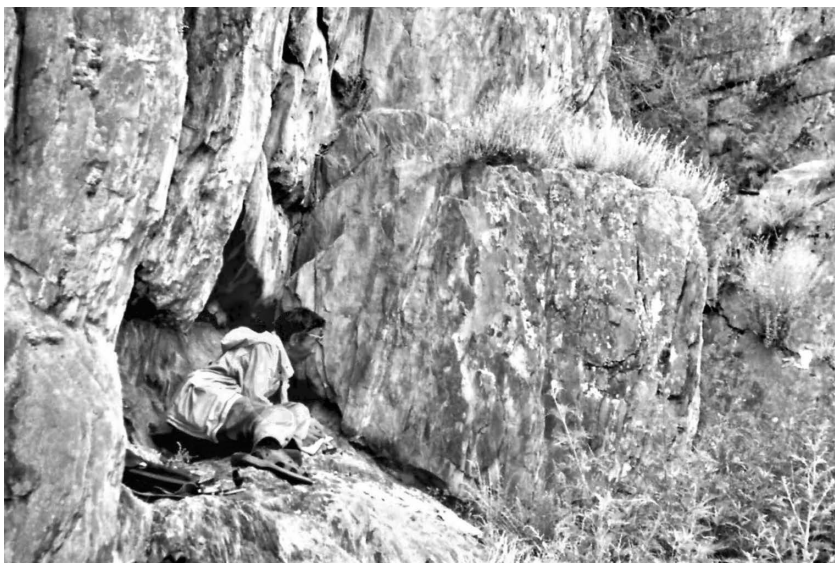

Рис. 2. Копирование надписи В. А. Кочевым на ручье Карбан. Фото автора.

С горными культурами связаны наскальные рисунки, непрерывно существующие на Саяно-Алтайском нагорье с конца каменного века до традиционных этнографических культур. Рисуночный этап горных поклонений здесь сменяют рунические надписи. Тяготея к скоплениям древних и раннесредневековых петроглифов, они выказывают почитание тех же скал. Однако, в отличие от Хакасии, на Алтае и в Туве надписи не только соседствуют с ранними изображениями, но и перекрывают их. Руны бывают вырезаны даже поверх рисунков тюркских народов, созданных в VI–VIII вв. Причины этого показаны. Под сибирско-тюркским манихейским влиянием в Казахстане и Кыргызстане, как, можно думать, и в Монголии также появляются рунические надписи на скалах [6, с. 452–458, рис. 1–10; 7].

Непонимание смысла в создании граффито – главная причина произвольных прочтений, дискредитирующих филологическую сторону работы. Неисторично и потому изначально ошибочно переносить на средневековые наши обыденные представления. К скале не мог подойти кто угодно, чтобы написать что угодно. Названные обстоятельства и определяют возможное содержание любой наскальной надписи. Контекстом каждого лаконичного начертания является несущая его скала, выказывающая людям каменное естество почитаемой горы.

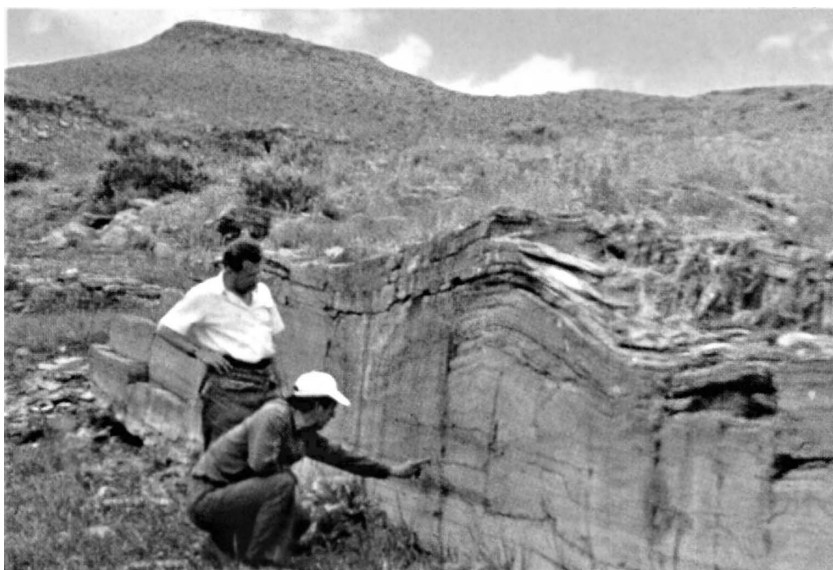

Рис. 3. Монголия. Археолог Д. Баяр указывает надпись С. Г. Кляшторному (по С. Г. Кляшторному).

Для всякого древнего и средневекового общества письменность — дар божий, доступный лишь посвященным, т. е. сфера религиозной жизни. Рождение всякой письменности произошло внутри религии и осуществилось благодаря осознанной культовой деятельности специально обученного жречества. Какая религия издревле владела руническим письмом (а значит, имела Писание), пока неизвестно. Но такая древняя религия в Южной Сибири была.

Распространение грамотности среди мирян, наблюдаемое в эпоху рунического письма, осуществлялось не ради светской образованности и праздного использования, а в целях объединения духовенства и паствы общностью верований и обрядов. Енисейская руническая письменность, воспринятая в монастырях, разносилась манихейскими миссионерами [7–9].

Не существуй наша рунология в изоляции от прочих отраслей эпиграфики, расположение наскальных надписей близ грунта напомнило бы ученым аналогичное размещение молитвенных надписей и крестов на стенах древнерусских церквей (см., например, [10]). И не возникали бы у тюркологов сомнения в том, что у православных святынь и на горных обнажениях Алтая в равной мере писали коленопреклоненные люди. О том свидетельствуют и позы современных копировальщиков

Рис. 4. Фотографирование надписи на Горном Алтае
(по И. А. Невской и Л. Н. Тыбыковой).

на полевых фотоснимках [1, с. 146; 2, ил. 17]). Эти моменты работы необходимо фиксировать обязательно (рис. 1–4). При описании письменного памятника необходимы указания на близость его к земле или основанию камня. Одного этого достаточно, чтобы понять молитвенное назначение надписи и тем самым определить область ее возможного прочтения и понимания.

Рунология показывает, что манихейство, проникшись учением о возвышенном божьем Слове и Тексте, в южносибирских условиях восприняло отвечающие этому местные горные культы и привнесло в них письменные отметки верующих. Эпиграфические памятники не только наносились у скальных подножий (что особенно отличает Алтай), но и намеренно вырезались в нишах, расщелинах или близ них — молившиеся стремились приблизить свои письмена к нутру горы.

Остается, пожалуй, указать на еще одно следствие, проистекающее из всего сказанного. Не вникая в условия размещения письменных памятников, исследователи не осмыслиют и их поисковых признаков. Поэтому даже в условиях плановой и многолетней полевой работы археологи отыскивают новые наскальные надписи лишь попутно.

I. L. Kyzlasov

Fundamentals of studying rock runic inscriptions of Altai

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russian Federation

Annotation. The Turkic runology still does not attach importance to the conditions of application of the studied inscriptions. The reason for arbitrary readings is a misunderstanding of the meaning of creating graffiti. Without due attention, their creation remains not in the cell-cabinet, but in the natural environment. Anyone could not come up to the rock to write anything. These inscriptions were left in place and a sign of prayer. The low height of the inscriptions indicates that kneeling people wrote on the mountain outcrops of Altai. This is evidenced by the poses of modern copyists in field photographs.

Keywords: *Altai, rock carvings, runic inscriptions.*

Источники и литература

1. Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Ч. 1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. Астана, 2013. 268 с.
2. Тыбыкова Л. Н., Невская И. А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2012. 152 с.
3. Le Coq A. von. Köktürkisches aus Turfan // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Bd. 41. Berlin, 1909. S. 1048–1052. Taf. IX.
4. Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994. 327 с.
5. Кызласов И. Л. Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // Древности Алтая. Вып. 5. Горно-Алтайск, 2000. С. 82–112.
6. Кызласов И. Л. К уяснению исходных позиций изучения и сбережения писаниц // Человек, адаптация, культура. М., 2008. С. 451–463.
7. Кызласов И. Л. Свидетельства дальнего продвижения енисейского рунического письма на запад (Одна из форм самовосприятия в северном манихействе) // Звучат лишь письмена. М., 2019. С. 251–290.
8. Кызласов И. Л. «Добро сотворив, посеять человечность». Манихейские миссионеры у вершин Алтая // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж, 2001. С. 111–129.
9. Кызласов И. Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. М., 2004. С. 111–129.
10. Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв. Киев, 1966. 238 с.